

В. И. Пржиленский*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОСНОВ ПРАВООПОНИМАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX И НАЧАЛЕ XXI В.¹

Аннотация. В статье выделяются базовые линии, по которым советская юриспруденция становится все менее марксистской и все более неокантианской. Это логика и методология науки, онтология и аксиология. Сама структура построения теоретического знания — онтология, гносеология (логика + методология), аксиология — неорганична ни для аутентичного марксизма, ни для более позднего «ленинизма». Первой в этом ряду появилась логика, вслед за логикой с неизбежностью следовала неокантианская «метафизика», которая, правда, остается за кадром преподавания и не находит своего воплощения в научных исследованиях. В годы оттепели возник московский методологический кружок, реабилитировавший неокантианскую идею методологии как особого раздела теории познания. Немного иная судьба постигает онтологию права, которая за семь десятилетий претерпевает эволюцию от отрицания права (буржуазное право при социализме) и социалистического правоопонимания (право как социальный порядок, меновое отношение и совокупность приказов власти) к «широкому» или «либертарному» подходу к праву (различению закона и права). Независимо от логики, методологии и онтологии неокантианство проявляется и в этике, что терминологически фиксируется даже в самом термине «аксиология».

Ключевые слова: кантианство, неокантианство, марксизм, правовая онтология, правовая гносеология, правовая методология, формальная логика, правовая аксиология.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.146.1.020-028

Компендиум современного российского юридического знания, как и любого иного частнонаучного знания, носит сложный и гетерогенный характер. Историко-генетическая и концептуальная разнородность периодически преодолевается разнообразными теоретическими перестройками или терминологическими подстройками. Особый вопрос здесь — это вопрос о присутствии в частнонаучном знании философии, каковое возможно как в явном и даже декларативном виде, так и в разнообразных латентных формах.

Так, в российской юридической науке после 1917 г. провозглашалось безраздельное господство философии диалектического и исторического материализма, и эта декларация вплоть до 1991 г. подкреплялась средствами и методами государственного принуждения. Но и без такового в современной системе науки и высшего образования немало тех, кто остается верен этой философии и, что особенно примечательно, соответствующей идеологии. Особого рассмотрения требует в данном контексте само понятие верности. Верность материалистиче-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16041.

© Пржиленский В. И., 2019

Пржиленский Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

vladprnow@mail.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

скому пониманию истории или диалектическому методу остается как своего рода заклинание, как напоминание о некогда данной клятве или даже присяге.

Между тем за пределами деклараций и в структуре, и в содержании юридического знания в значительно большей степени ощущается присутствие кантианской и неокантианской философской мысли. Причем это относится и к научным исследованиям (диссертациям, статьям, монографиям), и к образовательным программам (учебникам, учебным пособиям и лекционным курсам). Несомненно, этот факт заслуживает и скрупулезного науковедческого изучения, и широкого общественного обсуждения, и глубокого философского осмысления. Уж коль скоро в столь неблагоприятных условиях «проросло» что-то альтернативное марксизму-ленинизму, а в условиях его «естественного» ухода так долго сохраняет инкогнито, это многое говорит не только о состоянии юридической мысли, но и о действительной роли права в современном российском обществе.

Так уж получилось, что на смену марксизму-ленинизму — одной-единственной идеологии и (по совместительству) философии — пришло что-то другое, выстроенное в логике вынужденного отрицания и до сих пор еще неидентифицированное. Может быть, это новое понимание права представляет собой механически сложившийся конгломерат разнообразных теорий и концепций, в число которых попали все известные течения философской и теоретико-правовой мысли Запада? Но как на основе такого эклектичного набора некритически заимствованных идей и концепций можно построить систему дефиниций, каковую можно найти практически в любом учебнике по теории государства и права, не говоря уж о статьях и монографиях? Нет, напротив, в постсоветской теоретической юриспруденции можно обнаружить и системность, и логичность, и, что особенно важно, преемственность с позднесоветской правовой наукой. Объяснением этого феномена может быть только то, что под видом советской теории государства и права уже с конца шестидесятых все более и более проглядывали контуры совсем иной философской, научно-методологической и теоретико-правовой традиции, и эта традиция неокантианская.

Можно выделить базовые линии, по которым советская юриспруденция становилась все более и более неокантианской. Это логика,

методология науки, онтология и аксиология. Но прежде всего сама структура построения теоретического знания — онтология, гносеология (логика + методология), аксиология — неорганична ни для аутентичного марксизма, ни для более позднего «ленинизма». Указанный набор дисциплин скорее свидетельствует о влиянии философии И. Канта, которого по праву можно считать автором новоевропейской классификации философских наук. И хотя сами термины «онтология», «гносеология» или «аксиология» не были введены в оборот немецким мыслителем, но именно он собрал их воедино в соответствии с собственным проектом перестройки философского знания. Но идеи И. Канта пришли в советскую юриспруденцию скорее не в чистом виде, а прошедшие глубокую и иногда причудливую переработку, встретившись в пространстве теоретической, методологической и дидактической мысли и создав тот уникальный гибрид, который характеризует присутствие философии в теории государства и права, а также в отраслевых юридических науках. Помимо неокантианства, можно, конечно, увидеть влияние различных форм философского и юридического позитивизма, но и они были интерпретированы в контексте доминирования кантовской интеллектуальной дисциплины и кантовского же философского метода.

Созданная И. Кантом система разделения предметного пространства философии не оказала существенного влияния ни на Г. В. Ф. Гегеля, ни на К. Маркса. Г. Гегель, как до него и сам И. Кант, воспользовался возможностью самостоятельно структурировать философское знание для утверждения собственного видения философии, ее предмета, целей и задач. В результате введенные им схемы бесконечного перехода мысли от бытия к познанию или от природы к духу и обратно сделали бессмысленными строгие демаркации между онтологией и гносеологией, антропологией и аксиологией, каковые предписывала предметная идентичность кантовской мысли. Видимо, это обстоятельство сыграло не последнюю роль в будущей победе неокантианской классификации философских наук и неокантианской же идеи методологии.

Еще более показательным является фактически полное растворение Г. Гегелем этики в философии права. Это неудивительно для последователя стоиков и Спинозы в вопросе о сущности свободы. Если этика стоиков была

детерминирована физикой и логикой, а этика Спинозы даже изложена «методом геометрии», то в XIX в. следование данной традиции вполне логично привело к «превращению» этики в философию права. Г. Гегель, как и К. Маркс, следовал линии, согласно которой свобода есть разумность. Вот почему определение свободы как осознанной (или как познанной) необходимости не оставляет места какой-либо разновидности этики, помимо сугубо формалистской. И если В. С. Соловьев называл право минимумом морали, то здесь мораль определялась как некая первичная и предшествующая ступень права. Различение случайного и необходимого в праве не позволяло говорить о свободе выбора, о «свободе для» и о других моральных категориях. Лишь различение необходимости и случайности служит методологическим ориентиром для артикуляции в гегелевской онтологии права. Общественное сознание, в соответствии с концепцией К. Маркса, есть производная от общественного бытия, что превращает право в производную производной, то есть во вторую производную общественного бытия.

Первой в этом ряду появляется логика, потому что необходимость возврата к ней в связи с невозможностью ее полной замены диалектической логикой была осознана раньше всего. Сразу же после прихода к власти большевики противопоставили диалектическую логику Гегеля, основанную на противоречии, классической логике Аристотеля, в основе которой лежал запрет на противоречие. Постепенно потребности органов правосудия в непротиворечивом и доказательном обвинении привели к реабилитации традиционной логики, которая еще Гегелем трактовалась как логика рассудка, в отличие от логики разума, то есть диалектической.

И вот уже в конце 40-х по личному распоряжению Сталина был переиздан дореволюционный учебник логики, написанный Г. И. Челпановым для гимназий. Г. И. Челпанов был последователем психолога В. Вундта, неокантианское влияние в творчестве которого невозможно игнорировать.

После этого логика в юридических вузах становится кантианской по своей сути: в ней причудливо смешиваются элементы марбургского неокантианства и восходящего к кантианскому пониманию субъекта в эмпирическом психоло-

гизме В. Вундта. «Предположение, общее естествознанию и психологии, — писал В. Вундт, — с самого начала состоит в сопровождающем всякий опыт сознании, что в опыте даются объекты какому-нибудь субъекту, причем, однако, не может быть и речи первоначально о познании условий, лежащих в основе этого различения, или о каких-нибудь определенных признаках, которыми один фактор мог бы отграничиваться от другого. Поэтому самые выражения объекта и субъект в этой связи представляют собою только позднейшее перенесение на ступень первоначального опыта различий, которые принадлежат уже логически развитой рефлексии»².

Одновременное понимание логики как разновидности математики и как разновидности психологии воспроизводится затем в учебниках логики для вузов, написанных такими разными авторами, как теоретик доказывания в уголовном процессе М. С. Строгович и историк античной философии В. Ф. Асмус. «Формальная логика долгое время существовала где-то на задворках научной жизни и нередко подвергалась нападкам как “буржуазная”. Лишь в середине 40-х годов началось ее регулярное преподавание в высшей школе, первоначально на философском и некоторых других факультетах Московского университета. В 1946 г. был переиздан дореволюционный учебник Г. Челпанова для гимназий, позднее появились первые вузовские учебники. Отдавая дань времени, все они были в той или иной степени идеологизированы и политизированы. Обязательной считалась ссылка на труды классиков марксизма как высшие образцы логического мышления. Даже такой незаурядный ученый, как В. Асмус, не избежал этого, ссылаясь в одной из своих работ по логике на статью молодого И. Сталина “Анархизм или социализм?”. Нередко встречалась и критика мифической “буржуазной логики”»³.

И если у М. С. Строговича мы находим очевидную перекличку с идеями Г. И. Челпанова, то в понимании логики В. Ф. Асмусом также ощущается влияние М. С. Каринского. Выход в свет в конце 40-х этих двух учебников, ставших затем эталонными для преподавания логики в юридических вузах и на юридических факультетах, способствовал закреплению нео-

² Вундт В. Очерки психологии. М. : Московское книгоиздательство, 1912. С. 3—4.

³ Свинцов В. Существует ли диалектическая логика? // URL: http://ecsocman.hse.ru/data/488/964/1217/011_Svintsov.pdf.

кантианской философии. Одним из следствий этого можно считать и то, что понимание формы мышления навсегда соединилось с понятием правовой нормы. Да и различие материальной и процессуальной истины, столь значимое для советских процессуалистов благодаря М. С. Строговичу, восходит к неокантианской традиции, выраженной Г. И. Челпановым.

Сам язык изложения в учебниках логики, написанных для юристов, существенно отличается от языка, которым пишутся статьи, монографии и учебники логики философами, психологами или журналистами, в которых осваиваются достижения логической мысли XX в. Но юристы бережно сохраняют свою традицию, восходящую к логике и психологии конца XIX в. Понятие определяется как форма мышления, в которой мыслятся те или иные предметы. Суждение и умозаключение также рассматриваются в контексте различения философских категорий формы и содержания. Авторы учебников по логике для юридических вузов, такие, например, как В. И. Кирилов и А. А. Старченко, уже в последней трети XX в. продолжают эту традицию, проигнорировав повсеместный переход к современной или символической логике, где речь идет уже об именах и высказываниях, а не о понятиях и суждениях. Не следует забывать, что за логикой с неизбежностью следуют и элементы неокантианской «метафизики», которая, правда, остается за кадром преподавания и, тем более, не находит явного воплощения в научных исследованиях.

За логикой следует появление методологии, которая изменяет концептуальный фон рассуждений о познании и о методе. В годы оттепели даже возникает ММК (Московский методологический кружок), реабилитировавший неокантианскую идею методологии как особой предметной области и как нового раздела теории познания. Его основоположники А. А. Зиновьев, Г. П. Щедровицкий, Б. А. Грушин и М. К. Мамардашвили вначале создали МЛК (Московский логический кружок), деятельность которого поставила вопрос о логике таким образом, что он превратился в вопрос о методологии. Их активность вольно или невольно способствовала появлению «бюрократического» требования обязательно включать раздел «Методологические основы исследования» во введение к диссертации. Конечно же, рост интереса советских физиков и биологов к ме-

тодологии науки в 60-е и 70-е гг. был изрядно подогрет влиянием неопозитивизма, постпозитивизма, кибернетики и т.п. Но при первых же попытках перейти от единственно правильного метода к ситуации, когда методов много и можно спокойно обсуждать их сильные и слабые стороны, с неизбежностью оказывался востребован неокантианский опыт построения философской системы, в центре которой находится особая наука о методе — методология. И хотя в те годы писать о своей приверженности неокантианству было невозможно, значение их работ для становления методологии как особой области знания прекрасно осознавалось ими и их коллегами. Вплоть до сегодняшнего дня наблюдается тенденция к отдельному развитию методологической рефлексии в русле идей Г. П. Щедровицкого. И за всем этим стоит фигура И. Канта, предлагавшего видеть в познании деятельность, направленную на реализацию плана разума. Как отмечает один из последователей Г. П. Щедровицкого В. В. Никитаев, «кантианский ответ на главный вопрос методологии: “Почему и как возможен метод?” звучит примерно следующим образом: метод возможен ровно в той мере, в какой возможна власть разума над самим собой и окружающим миром. Философскую систему Канта возможно рассмотреть как последовательное раскрытие этой идеи через схему идеальной государственной власти; причем эта схема выступает, с одной стороны, как онтология разума (или, что суть то же, сознания (как) трансцендентального субъекта), а с другой — как его метод»⁴.

Немного иная судьба постигает онтологию права, которая за семь десятилетий претерпевает эволюцию от отрицания права (буржуазное право при социализме) и социалистического правопонимания (право как социальный порядок, меновое отношение и совокупность приказов власти) к декларациям о «широком» или «либертарном» подходе к праву (различению закона и права). Но за всеми декларациями прослеживается очень четкое следование логике философско-правового нормативизма, корни которого также являются неокантианскими. Более того, у крупнейших позднесоветских и постсоветских теоретиков права можно обнаружить стремление отождествить последовательный нормативизм с гуманизмом, с гуманистической сущностью права. Так, С. С. Алексеев отмечает, что советское право — это «огосударствен-

⁴ Никитаев В. В. Методология и власть: Кант // Методология науки: проблемы и история. М., 2003. С. 135.

ная, опубликованная юридическая система в том смысле, что в ней проводится всеобъемлющий и безусловный приоритет государственной власти и государственной собственности над личностью и персонифицированным имуществом, исключается частное право, а предоставление прав отдельным лицам ставится в зависимость от усмотрения государственных органов, должностных лиц, чиновников»⁵.

Разумеется, в последовательном нормативизме проще увидеть правовой позитивизм или чистое учение о праве Г. Кельзена, которые в общем и целом ближе к нынешнему времени, чем неокантианство. Но ведь именно неокантианство стоит за чистым учением о праве. Не случайно различие объекта и субъекта в диссертационных исследованиях также строится по неокантианской схеме: объект — общественное отношение; субъект — норма права или даже текст закона. Хотя это в большей степени имеет отношение к правовой гносеологии и правовой методологии.

Независимо от логики, методологии и онтологии, неокантианство «прорастает» и в советской этике, что терминологически фиксируется даже в самом термине «аксиология». Предпосылки для этого проявились задолго до неокантианского реванша в логике и онтологии. Общеизвестно пренебрежительное отношение большевиков к этике как к еще одной «буржуазной» форме знания, наряду с правом. Политические обстоятельства формирования философии марксизма-ленинизма повлияли на негативный образ «моралистского мировоззрения», сложившийся в ходе полемики с противниками.

Вслед за В. И. Лениным, А. А. Богданов, Е. А. Преображенский, Л. Д. Троцкий и многие другие высказались о приоритете, отдаваемом ими соображениям целесообразности над любыми моральными доводами и рассуждениями. Но потребность в обсуждении вопросов нравственного характера не прекращалась. Можно согласиться с утверждением В. Н. Назарова о том, что место отсутствующих этических работ русских марксистов было занято трудами таких немецких авторов, как Л. Вольтман, К. Форлендер и особенно К. Каутский, моральная доктрина которого соединила в себе идеи

марксизма, кантианства и дарвинизма. Но после дискуссий двадцатых годов наступает время забвения, и лишь в шестидесятые вновь появляется потребность в этике, пусть и согласованной с догматикой марксизма-ленинизма, но все же этике.

В ходе развития советской этики само понимание ее предмета и метода проделало немалую эволюцию. Трактую этику как форму общественного сознания, философы определили ее «параллельный» философии и науке способ существования. Как отмечает В. Н. Назаров, «это определило своеобразие советской этики, ее замкнутость в круге собственных проблем, ее специфический формализм и столь же специфический эмпиризм. С одной стороны, это выразилось, в частности, в неявном, социально завуалированном обращении к кантовским принципам систематизации и формализации этики (феномен этического “криптокантианства”), в особенности в вопросах структуры и специфики морали, морального деонтологизма и универсализма, а с другой — в особом рода социологизаторском утилитаризме (прежде всего в вопросах обоснования природы морали и прикладной этики, например проблемы руководства и управления нравственными процессами)»⁶.

Сегодня, когда в сообществе правоведов вспыхнули острые дискуссии вокруг понятия истины, обнаружились многие интересные факты, долгое время остававшиеся вне поля зрения юристов и философов. И главный среди них — практически полное отсутствие коммуникации между первыми и вторыми. Когда на рубеже 80-х и 90-х гг. прошлого столетия марксистско-ленинское учение перестало выполнять функции то ли вероучения, то ли конституции, многим казалось, что для юридической науки это обстоятельство будет иметь весьма важные следствия, одним из которых станет возвращение философской мысли как в теоретическое пространство юридического знания, так и в законодательно-организационные аспекты правоприменительной практики. Повсеместно в учебные планы подготовки юристов стали вводить новый, соответствующий западным аналогам предмет — философию права. Новый, или скорее старый, то есть вполне себе дорево-

⁵ Алексеев С. С. Теория права. М.: Бек, 1995. С. 298.

⁶ Назаров В. Н. Опыт хронологии русской этики XX в.: третий период (1960—1990). Общая характеристика третьего периода // Этическая мысль. Вып. 1. М., 2000. С. 107—131; Вып. 2. М., 2001. С. 169—191. С. 181.

люционный предмет, что не только символизировало модернизационно-вестернизационный порыв, но и одновременно свидетельствовало о возвращении к первоистокам. Более того, в общероссийский классификатор специальностей высшей научной квалификации была введена специальность «Философия политики и права», что свидетельствовало о намерении поощрять исследования в этой области, ибо вышедшие в свет учебники свидетельствовали скорее о полной утрате способности философствовать на темы права на достаточно профессиональном уровне.

Дальнейшее развитие ситуации не подтвердило возникшие было надежды, философия права так и не смогла занять достойное место среди других юридических дисциплин, оказавшись в весьма маргинальном состоянии. Спустя десятилетие ее «по-тихому» удалили из «ваковского перечня» под предлогом отсутствия сколь-нибудь значимого количества диссертационных работ. Обоснование данной позиции может быть и таким: «Стремление объявить философию права в системе юридического образования наукой философской, — пишет О. А. Мартышин, — возникло не случайно и, скорее всего, было продиктовано не научными соображениями. В 90-е гг. прошлого века Россия переживала бум юридического образования. Профессия представлялась перспективной, выгодной, на нее увеличился спрос, и в результате появилось огромное количество юридических учебных заведений, в большинстве своем коммерческих. Вузы всех направлений создавали юридические факультеты. Философия права открывала философам двери в юридическое образование. Они утверждали, что именно философы, а не юристы должны преподавать этот предмет. Именно тогда философы стали писать учебники по философии права. Для многих из них характерна недостаточная осведомленность в вопросах права»⁷.

Статьи, в названии которых присутствуют слова «философия права», чаще всего неотличимы от статей по теории государства и права, а многие российские юристы не видят разницы между этими предметами. Однако разница есть и она принципиальна. Философия права — это критика любой теории права. Кроме того, философия права — это еще и утверждение, что теорий права может и должно быть более одной. И наконец, самое главное: философия

права — это совокупность знаний и умений, позволяющих их обладателю самому оценивать и выбирать среди альтернативных теорий, конструкций и дискурсов о праве. Но даже и теории права в современной высшей школе нет: вместо нее предлагается теория государства и права, что совершенно не одно и то же.

Подводя итог вышесказанному, следует заключить, что российская философия права должна выполнить важнейшую задачу — выявить и описать идентичность правовой системы, сформировавшейся в опыте той коллективной и индивидуальной деятельности, которая осуществляется вне научных описаний, а иногда и вопреки им. Необходимо измерить ту свободу и сформулировать ту справедливость, которые рождаются из повседневной жизни россиян. Необходимо осмыслить реальный опыт правоприменительной практики, причем «технология» осмысления должна быть выбрана и обоснована так, чтобы не оказаться в ситуации, когда все силы заранее брошены на обоснование тезиса о том, почему наша действительность так далека от права и так сильно не соответствует западному образцу. Конечно, критическая оценка российской действительности невозможна без обращения к историческому опыту и, таким образом, к истокам проекта, в рамках которого и создавались российские политико-правовые институты в последние три столетия. И к тем системам философской мысли, которые оказали на них решающее влияние. Гипотеза о решающем влиянии неокантианской философии на российскую юридическую мысль позволяет надеяться на успешную экспликацию правовых ценностей, соответствующих системам правовой мысли и правоприменения.

В современных философско-правовых исследованиях должна быть поставлена и решена амбициозная задача — анализ того социального самоописания, результатом которого является философский дискурс о праве, а также все остальные формы научно-правового теоретизирования. На основе такого исследования появляется возможность различения в философско-правовом и теоретико-правовом знании многочисленных заимствований, не все из которых могут носить универсальный характер и, что особенно важно, быть совместимыми с российским опытом правоприменения, теоретизирования и философствования. Аргументы, представленные в статье, позволяют не только

⁷ Мартышин О. В. Философия права : учебник для магистров. М. : Проспект, 2017. 351 с.

уточнить влияние неокантианства на российскую юридическую науку, но и поставить вопрос об идентичности отечественной системы права, а следом и вопрос о социокультурной и об экзистенциальной идентичности, о национальной системе ценностей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сообщество философов права в современной России ни в коем случае не должно ограничиваться поисками «ничьей земли» между теорией права и философским учением о ме-

тоде или картинах мира. Когнитивные, рефлексивные и критические ресурсы философии права позволяют ее адептам заявить свои права на исследование всех сторон жизни человека и общества, вернув себе роль фундаментальной философской дисциплины, дающей основание и юридическим, и социологическим, и социально-историческим, и культурно-антропологическим наукам, дисциплины, способной решить задачу определения национальной интерпретации права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Теория права. — М. : Бек, 1995.
2. *Воскобитова Л. А., Пржиленский В. И.* Социальные технологии и юридическое познание : монография. — М. : Норма : Инфра-М, 2017. — 176 с.
3. *Вундт В.* Очерки психологии. — М. : Московское книгоиздательство, 1912.
4. *Захарова М. В.* Российская правовая система: проблемы идентификации и развития // *Lex Russica*. — 2008. — Т. 67. — № 2. — С. 243—259.
5. *Мартышин О. В.* Философия права : учебник для магистров. — М. : Проспект, 2017.
6. *Назаров В. Н.* Опыт хронологии русской этики XX в.: третий период (1960—1990). Общая характеристика третьего периода // *Этическая мысль*. — Вып. 1. — М., 2000. — С. 107—131 ; Вып. 2. — М., 2001. — С. 169—191.
7. *Никитаев В. В.* Методология и власть: Кант // *Методология науки: проблемы и история*. — М., 2003.
8. *Пржиленская И. Б.* Жизненный мир и целевые установки российских студентов // *Ценности и смыслы*. — 2016. — № 4 (44). — С. 22—29.
9. *Пржиленская И. Б.* Информационное общество и социальная модернизация // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. — 2006. — № 3 (22). — С. 14—18.
10. *Свинцов В.* Существует ли диалектическая логика? // URL: http://ecsocman.hse.ru/data/488/964/1217/011_Svintsov.pdf.
11. *Сергодеева Е. А.* Рациональность современного философского дискурса // *Гуманитарные и юридические исследования*. — 2014. — № 2. — С. 135—138.
12. *Сергодеева Е. А.* Социально-коммуникативный характер научной деятельности // *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. — 2014. — № 6 (45). — С. 314—317.
13. *Zakharova M., Przhilenskiy V.* Two Portraits on the Background of the Revolution: Pitirim Sorokin and Mikhail Reisner // *Russian Law Journal*. — 2017. — № 5 (4). — Pp. 193—212.
14. *Przhilenskiy V., Zakharova M.* Which way is the Russian double-headed eagle looking? // *Russian Law Journal*. — 2016. — № 4 (2). — Pp. 6—25.

Материал поступил в редакцию 17 октября 2018 г.

TRANSFORMATION OF FOUNDATIONS OF LEGAL THINKING IN RUSSIAN JURISPRUDENCE IN THE SECOND HALF OF 20TH AND THE BEGINNING OF 21ST CENTURIES⁸

PRZHILENSKIY Vladimir Igorevich, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

vladprnow@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article highlights the basic lines due to which Soviet jurisprudence is becoming less Marxist and more neo-Kantian. This is the logic and methodology of the science, ontology and axiology. The very structure of theoretical knowledge — ontology, epistemology (logic + methodology), axiology — is accidental for both authentic Marxism and for later developed “Leninism.” The logic appeared the first in this sequence, inevitably followed by neokantian metaphysics that, however, remains behind the scenes of teaching and does not find its implementation in scientific research.*

During the Thaw, the Moscow Methodological Circle rehabilitated neo-Kantians idea of methodology as a special section of the theory of cognition. A slightly different fate befell the ontology of law that for seven decades had been evolving from the denial of law (bourgeois law under socialism) and socialist law thinking (law as a social order, exchange attitude and a set of orders of government) to a “broad” or “liberal” approach to law (the distinction between law and the law act). Regardless of logic, methodology and ontology, neo-Kantianism manifests itself in ethics, which is terminologically fixed even in the term “axiology.”

Keywords: *Kantianism, neo-Kantianism, Marxism, legal ontology, legal epistemology, legal methodology, formal logic, legal axiology.*

REFERENCES

1. Alekseev S. S. Teoriya prava [Theory of Law]. Moscow, Bek publ., 1995. (In Russian)
2. Voskobitova L. A., Przhilensky V. I. Sotsialnye tekhnologii i yuridicheskoe poznanie : monografiya [Social technologies and legal knowledge : A monograph]. Moscow, Norma publ., Infra-M publ., 2017. 176 p. (In Russian)
3. Wundt V. Ocherki psikhologii [Essays on psychology]. Moscow, Moscow Publishing House, 1912. (In Russian)
4. Zakharova M. V. Rossiyskaya pravovaya sistema: problemy identifikatsii i razvitiya [A Russian Legal System: problems of identification and development]. *Lex Russica*. 2008. Vol. 67. No. 2, P. 243—259. (In Russian)
5. Martyshev O. V. Filosofiya prava : uchebnik dlya magistrrov [Philosophy of Law : A Textbook for Master’s Students]. Moscow, Prospekt publ., 2017. (In Russian)
6. Nazarov V. N. Opyt khronologii russkoy etiki XX v.: tretiy period (1960—1990) obshchaya kharakteristika tretego perioda [The Experience of Russian ethics chronology in the 20th century: The third period (1960—1990). General characteristics of the third period]. *Eticheskaya mysl [Ethical thought]*. Issue 1. Moscow, 2000. P. 107—131; *Eticheskaya mysl [Ethical thought]*. Issue 2. Moscow, 2001. P. 169—191. (In Russian)
7. Nikitaev V. V. Metodologiya i vlast: Kant [Methodology and power: Kant]. *Metodologiya nauki: problemy i istoriya [Methodology of science: Problems and history]*. Moscow, 2003. (In Russian)
8. Przhylenskaya I. B. Zhiznenny mir i tselevye ustanovki rossiyskikh studentov [Lifeworld and target setting of the Russian students]. *Tsenosti i smysly*. 2016. No. 4 (44). P. 22—29. (In Russian)
9. Przhylenskaya I. B. Informatsionnoe obshchestvo i sotsialnaya modernizatsiya [Information society and social modernization]. *Gumanitarnye i sotsialno-ekonomicheskie nauki [Humanitarian and socio-economic sciences]*. 2006. No. 3 (22). P. 14—18. (In Russian)
10. Svintsov V. Sushchestvuet li dialekticheskaya logika? [Does Dialectical Logic Exist?]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/488/964/1217/011_Svintsov.pdf. (In Russian)

⁸ The study was funded by the RFFR within the framework of Research Project No. 18-29-16041. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16041.

11. Sergodeeva E. A. Ratsionalnost sovremenogo filosofskogo diskursa [Rationality of modern philosophical discourse]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya [Humanitarian and Law Studies]*. 2014. No. 2. P. 135—138. (In Russian)
12. Sergodeeva E. A. Sotsialno-kommunikativnyy kharakter nauchnoy deyatel'nosti [Social and communicative nature of scientific activity]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta [Bulletin of the North Caucasus Federal University]*. 2014. No. 6 (45). P. 314—317. (In Russian)
13. Zakharova M., Przhilenskiy V. Two Portraits on the Background of the Revolution: Pitirim Sorokin and Mikhail Reisner. *Russian Law Journal*. 2017. No. 5 (4). P. 193—212. (In Russian)
14. Przhilenskiy V., Zakharova M. Which way is the Russian double-headed eagle looking? *Russian Law Journal*. 2016. No. 4 (2). P. 6-25. (In Russian)